М.В. ЛЯЛИН



РЕВИЗОР ИМПЕРИИ

Михаил Лялин

Ревизор Империи

https://litres.ru/74759802
SelfPub; 2026

Аннотация

1979 год. Он очнулся в теле младшего ревизора КРУ за пятнадцать минут до ареста. В портфеле лежали подброшенные три тысячи рублей, за дверью ждала группа захвата во главе с прокурором города. В прошлой жизни, в 2026-м, он двадцать лет был теневым аудитором и вскрывал схемы, которые прятали лучшие юристы Лондона. Он не поёт чужих песен и не изобретает компьютер. Он читает вторую бухгалтерию, и в Советском Союзе этого не умеет никто.

Содержание

Ревизор Империи. Том 1 4
Введение 4
Глава 1. Пятнадцать минут 7
Глава 2. Проводка задним числом 16
Глава 3. Опись номер сорок семь 24
Глава 4. Семьдесят два часа 33
Глава 5. Ток не врёт 41
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Михаил Лялин
Ревизор Империи

Ревизор Империи. Том 1

Введение

Деньги не исчезают. Они только меняют проводку.
Из записной книжки аудитора

В 1979 году Советский Союз ещё казался вечным. Брежнев читал доклады с трибуны, в магазинах стояли очереди за колбасой, а в газетах рапортовали о перевыполнении пятилетки.

И почти никто не знал, что пятилетку перевыполняли на бумаге.

На каждой фабрике было две бухгалтерии. Одна — для райкома, министерства и Госплана: аккуратная, с красивыми процентами роста. Другая — настоящая: сколько сырья ушло «налево», сколько продукции произвели сверх плана в ночную смену и продали через задний двор, сколько заплатили директору, начальнику цеха, ревизору, прокурору и человеку в Москве, который подписывал фонды. Это называлось «цеховики». Подпольные капиталисты страны побе-

дившего социализма. Их миллионы лежали в трёхлитровых банках под полом, а их покровители сидели в обкомах и министерствах.

Система держалась на том, что никто не умел читать вторую бухгалтерию. А те, кто умел, — молчали или брали свою долю.

Максим Вершинин умел читать любую бухгалтерию. Двадцать лет он работал теневым аудитором: проверял компании перед поглощением, искал выведенные активы, вскрывал схемы, которые прятали лучшие юристы Лондона и Кипра. Он знал, как работают откаты, фирмы-однодневки и подставные бенефициары. Он знал, как думает чиновник, который ворует, и как думает чиновник, который боится.

В 2026 году у него было всё. Квартира на Патриарших, счета в трёх юрисдикциях, репутация человека, который находит деньги там, где их не видит никто.

А потом он очнулся в 1979 году. В теле двадцатишестилетнего младшего ревизора контрольно-ревизионного управления. В кабинете, за дверью которого ждали милиционеры. С подброшенной взяткой в портфеле.

У него не было ни компьютера, ни интернета, ни знания будущего, которое можно продать. Он не помнил, какие песни станут хитами. Он не умел паять микросхемы.

Зато он умел то, чего не умел никто в этом времени. Видеть деньги, которые прячут. И людей, которые их прячут.

Это история о том, что у любой империи есть бухгалтерия.

И о человеке, который решил провести ей ревизию.

Глава 1. Пятнадцать минут

— Подумайте, Виктор Сергеевич. Хорошенько подумайте. Пятнадцать минут у вас есть.

Голос был мягкий, почти отеческий. Таким голосом говорят с детьми, которые разбили вазу.

Максим Вершинин открыл глаза.

Потолок. Высокий, с лепниной, с жёлтыми разводами в углу — где-то наверху протекала крыша. Люстра — три плафона, один треснут. Запах: табак, канцелярский клей, пыль и что-то сладковатое, приторное — одеколон, догадался он через секунду. «Шипр». Он не слышал этого запаха лет сорок. С тех пор как умер отец.

Он сидел за столом. Перед ним — стопка бумаг. Справа — графин с водой и гранёный стакан. Слева — массивная чернильница из серого мрамора, явно ни разу не использовавшаяся по назначению. На стене напротив — портрет человека с густыми бровями и пятью звёздами на груди.

В дверях стоял мужчина лет сорока пяти. Плотный, в синем костюме с широкими лацканами, с аккуратным пробором и выражением лица, которое Максим за двадцать лет работы научился узнавать с полувзгляда. Так выглядит человек, который уверен, что сделка уже закрыта, и пришёл только забрать подпись.

— Я буду в соседнем кабинете, — сказал мужчина. — По-

звоню товарищам. Потом вернусь. И вы мне скажете, как будем оформлять: как добровольную выдачу или как задержание с поличным. — Он улыбнулся. — Разница, Виктор Сергеевич, — лет пять. Подумайте.

Дверь закрылась.

Первые тридцать секунд Максим не думал ни о чём. Просто дышал.

Потом на него обрушилась чужая жизнь.

Не как воспоминание — как файл, который кто-то скопировал ему в голову целиком, со всеми папками. Детство в коммуналке на Пролетарской. Мать — учительница математики. Отец — мастер на судоремонтном, умер, когда ему было четырнадцать. Финансово-экономический институт в Ростове, красный диплом. Распределение — в Южноморск, контрольно-ревизионное управление Министерства финансов. Младший ревизор. Сто двадцать рублей оклада. Комната в общежитии. Невеста — Ирина, медсестра из горбольницы. Свадьба в сентябре.

Лебедев Виктор Сергеевич. Двадцать шесть лет.

И последние две недели — фабрика.

Южноморская трикотажная фабрика «Заря». Плановая ревизия финансово-хозяйственной деятельности. Начальник отдела Сухов поручил её Вите — первую самостоятельную, большая честь. Витя ходил на фабрику каждый день, сидел над документами, считал. И чем больше считал, тем

страшнее ему становилось.

А три дня назад к нему в общежитие пришёл человек. Вежливый, в хорошем пальто. Сказал, что от директора фабрики. Сказал, что Витя молодой, у Вити свадьба, Вите нужна квартира, а не неприятности. Сказал, что акт должен быть чистым. И что если будет чистым — квартира найдётся.

А если не будет — неприятности найдутся тоже.

Витя подписал чистый акт. Вчера вечером. «Нарушений финансовой дисциплины не выявлено».

А сегодня утром к нему в кабинет пришёл следователь городской прокуратуры Глотов Эдуард Аркадьевич. С вопросом. О каком-то анонимном сигнале. О взятке.

Максим медленно опустил глаза на стол.

Акт лежал перед ним. Шесть страниц машинописи, подписи, печать КРУ. «Нарушений не выявлено». Внизу — подпись. Его подпись. Вернее, Витина. Аккуратная, с завитушкой.

А у ножки стола, справа, стоял портфель. Коричневый, кожаный, с латунной застёжкой. Витин портфель. Подарок матери на окончание института.

Максим наклонился и открыл его.

Внутри, поверх папок и блокнота, лежал конверт. Плотный, белый, незапечатанный. Максим не стал его трогать. Посмотрел внутрь, раздвинув края кончиком карандаша.

Сторублёвки. Новые, хрусткие. Толстая пачка. На глаз —

тридцать штук. Три тысячи рублей.

Двадцать пять Витиных окладов.

Он знал, как это работает. Он видел это сотни раз — не в 1979-м, в 2026-м, но схема была та же самая. Человек подписывает нужную бумагу. Потом в его портфеле находят деньги. Потом ему говорят: у нас есть сигнал, что ты взял взятку. Деньги — вот они. Мы можем оформить это как задержание, и тогда ты сядешь. А можем — как добровольную выдачу. Но тогда ты подпишешь показания, что взятку тебе дал… кто-нибудь. Кто нам нужен. Или подпишешь, что ты её вымогал. Или просто будешь молчать.

И ещё — главное. Акт, который он подписал, — чистый. Если его посадят за взятку, акт останется в силе. Фабрика проверена. Нарушений нет. Ревизор, который проверял, — сам взяточник, но это его личное дело. А если кто-нибудь когда-нибудь захочет перепроверить — что ж, ревизор сидит, акт подписан, концы в воду.

Двойная страховка. Хорошая работа.

Максим аккуратно закрыл портфель.

Деньги меченые — в этом он не сомневался. Порошок, специальные надписи, переписанные номера. Иначе какой смысл. Сейчас за дверью Глотов звонит «товарищам». Через пятнадцать минут — теперь уже тринадцать — они войдут. С понятыми. Откроют портфель. Найдут конверт. Посветят ультрафиолетовой лампой на его руки.

Руки. Он посмотрел на свои ладони — молодые, с тонки-

ми пальцами, со следом от авторучки на среднем. Чистые. Витя деньги не трогал. Он даже не знал, что они в портфеле. Это Максим помнил из Витиной памяти совершенно ясно: утром портфель был пуст, только папки и блокнот. Потом Витя ушёл на час на фабрику — забрать последние документы. Портфель остался в кабинете.

Кто имел доступ к кабинету? Сам Витя. Уборщица. Начальник отдела Сухов, у которого был свой ключ. И — Максим перебрал память — Ирина. Невеста. Она приходила сегодня в обед. Принесла бутерброды. Сидела здесь минут двадцать, пока Витя был на фабрике. Ждала.

Он отложил эту мысль. Потом.

Сейчас — тринадцать минут.

Двадцать лет корпоративных войн научили Максима одной вещи: когда тебя загоняют в угол, не нужно искать выход. Нужно искать, кто стоит снаружи и держит дверь. И что ему на самом деле нужно.

Глотову нужно, чтобы акт был чистым, а ревизор — замазанным. Глотову нужно, чтобы никто никогда не перепроверял «Зарю». Значит, на «Заре» есть что перепроверять. Много. Иначе не стали бы тратить три тысячи и следователя прокуратуры на младшего ревизора со ста двадцатью рублями оклада.

А раз есть что перепроверять — значит, Витя что-то нашёл.

Максим открыл портфель снова. Достал блокнот. Обычный, в клеточку, в коленкоровой обложке. Витины черновики. Две недели ревизии — мелким, аккуратным, отличническим почерком.

Он начал читать. Быстро — как читал в прошлой жизни отчёты о проверке компаний в ночь перед сделкой.

Третья страница. Поступление сырья за квартал. Пряжа хлопчатобумажная — столько-то тонн. Пряжа шерстяная — столько-то. Пряжа акриловая импортная, Япония, по фондам Министерства лёгкой промышленности — восемнадцать тонн четыреста килограммов.

Десятая страница. Выпуск готовой продукции. Свитера женские, джемперы мужские, кофты детские. По каждой позиции — норма расхода пряжи на единицу. Витя всё пересчитал. Аккуратно, в столбик.

Двенадцатая страница. Итог. Израсходовано акриловой пряжи на выпущенную продукцию — тринадцать тонн сто килограммов.

Остаток на складе — по документам ноль. Вся пряжа списана в производство.

Пять тонн триста килограммов японского акрила. Списаны. Но не превратились ни в один свитер, учтённый в плане.

А на полях — Витиной рукой, мелко, с тремя восклицательными знаками: «Брак — 2%!!! Норма — 8%. Откуда экономия?»

Максим откинулся на спинку стула.

Пять тонн японского акрила. В 1979 году. Когда импортный свитер на чёрном рынке стоил месячную зарплату инженера. Сколько свитеров получается из пяти тонн? Норма расхода — граммов четыреста на штуку. Двенадцать-тринадцать тысяч свитеров. По сто рублей на рынке — миллион с лишним.

А брак — два процента вместо восьми. То есть на фабрике не просто списывают пряжу, которую пускают налево. На фабрике ещё и сэкономили на браке — и эту экономию тоже не показали. Шесть процентов от всего выпуска. Ещё тонна. Ещё три тысячи свитеров.

И всё это шло не через фабричный склад. А через ночную смену. Через неучтённые станки. Через чей-то грузовик, через чей-то рынок.

Цех. Классический подпольный цех. С миллионным оборотом. И с акриловой пряжей, которая приходила по фондам министерства — то есть кто-то в Москве эти фонды подписывал. И подписывал на восемнадцать тонн, зная, что для плана нужно тринадцать.

Максим перевернул страницу.

На следующей, четырнадцатой, Витя выписал копию фондового извещения. Номер, дата, количество. И подпись того, кто утвердил выделение. «Зам. министра лёгкой промышленности РСФСР В. Л. Артемьев».

И рядом, на полях, ещё мельче, почти неразборчиво — Витя, видимо, сам испугался того, что пишет: «Каждый

квартал сверх нормы. Третий год. Кто-то в Москве знает?»

Восемь минут.

Максим закрыл блокнот.

Витя не был дураком. Витя был честным мальчиком с красным дипломом, который нашёл подпольный цех на миллион, понял, что за ним стоит заместитель министра, и испугался. Испугался так, что подписал чистый акт.

Но черновики не уничтожил. Положил в портфель. Носил с собой.

Может быть, надеялся, что когда-нибудь наберётся смелости.

«Ну что ж, Витя, — подумал Максим. — Я наберусь за тебя».

Он посмотрел на дверь. На портрет Брежнева. На сейф в углу кабинета — серый, тяжёлый, с цифровым замком и латунной ручкой. Сейф начальника отдела. Максим вспомнил: это не Витин кабинет. Это кабинет Сухова. Начальник отдела в командировке в Краснодаре, третий день. Глотов попросил «поговорить в отдельном помещении», и секретарша открыла кабинет Сухова.

В сейфе Сухова хранились вещественные доказательства по ревизиям. Изъятые документы, черновые ведомости, иногда — деньги. Когда при проверке находили недостачу наличных или излишки в кассе, их изымали под опись и хранили в сейфе отдела до передачи в банк или в прокуратуру.

Таков был порядок.

Витя знал код. Сухов доверял ему — давал открывать сейф, когда нужно было положить туда документы.

Максим посмотрел на телефон на столе Сухова. Чёрный, тяжёлый, с диском. Рядом — второй, белый, без диска. Прямая связь с областным управлением.

И на краю стола — стопка бланков. «Телеграмма. Правительственная». Сухов был начальником отдела контрольно-ревизионного управления Минфина. По инструкции он имел право отправлять служебные телеграммы по правительственной связи — в случае выявления крупных хищений государственной собственности. Право, которым никто никогда не пользовался.

Семь минут.

Максим взял авторучку.

В голове у него, как в прошлой жизни перед закрытием сделки, сама собой выстроилась последовательность. Шаг первый. Шаг второй. Шаг третий. Что сделать, в каком порядке, сколько времени на каждый шаг. Какие подписи. Какие даты. Какие слова.

Семь минут — это очень мало.

Но в 2026 году он закрывал сделки и за пять.

Глава 2. Проводка задним числом

Первое правило работы с чужими деньгами: не трогать их руками.

Максим достал из кармана Витиного пиджака носовой платок — большой, клетчатый, мамин подарок, отглаженный до хруста. Обернул им пальцы. Взял конверт за самый угол. Не открывая, не заглядывая больше внутрь.

Если купюры обработаны люминофором — а они обработаны, в этом он не сомневался, — порошок остаётся на всём, что их касается. На пальцах, на ткани, на коже портфеля. Через десять минут Глотов посветит лампой на Витины руки. Руки должны быть чистыми.

Портфель — уже нет. Конверт лежал внутри. Значит, на подкладке портфеля порошок есть. Это Максим учёл. Это даже хорошо.

Он подошёл к сейфу.

Код был простой — Витя помнил его наизусть. Год рождения Сухова и номер его квартиры. Сухов был человеком предсказуемым. Цифры щёлкнули. Тяжёлая дверца открылась.

Внутри — три полки. На верхней — папки с черновыми ведомостями по прошлым ревизиям. На средней — два почтовых мешка с опечатанными документами. На нижней — металлический ящичек с надписью краской: «Изъятое. Де-

нежные средства».

И толстая тетрадь в коленкоровом переплёте. «Журнал учёта изъятых при ревизиях ценностей и документов. Отдел № 3 КРУ МФ СССР по Южноморской области».

Максим открыл журнал.

Последняя запись — две недели назад. Номер сорок шесть. Изъята недостача из кассы овощебазы номер два, сто восемнадцать рублей сорок копеек. Подпись ревизора, подпись Сухова. Ниже — пустые строки.

Он посмотрел на ручку, торчавшую из стакана на столе Сухова. Перьевая, с фиолетовыми чернилами, такими же, как в журнале. Сухов не любил шариковые — говорил, что ими пишут только школьники.

Максим взял ручку. И написал. Аккуратным, отличническим Витиным почерком — рука слушалась сама, двадцать шесть лет мышечной памяти:

«№ 47. Вчерашнее число, 18 ч. 40 мин. Принят на хранение конверт с денежными средствами (сумма не пересчитывалась, конверт не вскрывался), переданный ревизору Лебедеву В. С. неустановленным лицом при завершении ревизии ЮТФ «Заря» в качестве вознаграждения за составление акта без замечаний. Конверт помещён в сейф отдела до возвращения начальника отдела для передачи в органы прокуратуры. Ревизор Лебедев В. С.».

Подпись. С завитушкой.

Он посмотрел на запись. Чернила блестели свежестью. Он

подул на них — так, как Витя дул в детстве на тетрадь, — и они подсохли. Через пять минут они будут выглядеть так же, как вчерашние. Никакой экспертизы в Южноморске в 1979 году не было способно определить возраст фиолетовых чернил с точностью до суток.

Максим положил конверт в металлический ящичек на нижней полке. Платком, не касаясь.

Потом открыл свой портфель — и тем же платком тщательно протёр подкладку. Там, где лежал конверт. Порошок остался — немного, следы. Это было правильно. Следы порошка в портфеле подтверждали, что конверт там был. Вчера вечером. До того, как ревизор Лебедев, честный мальчик, отнёс его в сейф.

Платок он сложил и сунул в почтовый мешок с документами на средней полке. Туда, где его найдут только при описи — через неделю, если вообще станут искать.

Четыре минуты.

Второе правило работы с чужими деньгами: прежде чем тебя обвинят, обвини сам.

Если через четыре минуты Глотов войдёт и найдёт пустой портфель, он не растеряется. Он спросит: где деньги? Скажет — у нас есть сигнал. Скажет — ты их спрятал. Обыщет кабинет. Найдёт сейф. Откроет — сейф отдела, к которому у следователя прокуратуры есть законный доступ при наличии сигнала. Найдёт конверт. И запись в журнале.

И скажет: запись сделана сейчас. Только что. Чернила свежие. Ты подделал её, пока я звонил.

Может быть, он даже прав. Но доказать не сможет.

Проблема была в другом. Если ревизор вчера вечером получил взятку и честно сдал её в сейф — почему тот же ревизор вчера же вечером подписал чистый акт? «Нарушений не выявлено». Это не сходилось. Любой следователь, даже Глотов, увидит дыру.

Максим вернулся к столу. Взял акт.

Шесть страниц машинописи. Последняя — с подписями: ревизор Лебедев, директор фабрики Гоцман Р. Л., главный бухгалтер Кравчук А. П. И печать фабрики.

Акт ещё не был зарегистрирован. Витя помнил это совершенно точно: он должен был сдать его в канцелярию сегодня, с утра, — и не успел, потому что пришёл Глотов. На акте не было исходящего номера. Он ещё не существовал как официальный документ. Пока он не зарегистрирован — ревизор вправе к нему что-то приложить.

И был один инструмент, который в советском делопроизводстве знали все бухгалтеры и которым почти никто не пользовался. Потому что пользоваться им было опасно.

Особое мнение ревизора.

По инструкции Минфина о проведении документальных ревизий ревизор, не согласный с выводами акта или выявивший обстоятельства, требующие дополнительной проверки, вправе приложить к акту особое мнение. Подписыва-

ется только ревизором. Отмечается в акте отдельной строкой. Имеет силу приложения.

Максим взял авторучку. И на последней странице акта, под машинописной строкой «Нарушений финансовой дисциплины не выявлено», над подписями, мелко, разборчиво, Витиным почерком написал:

«С приложением № 7 — особым мнением ревизора о расходе импортной акриловой пряжи (перерасход против норм 5,3 т, документальное подтверждение использования в производстве отсутствует; процент брака 2,1% при нормативном 8%). Ревизор Лебедев В. С.».

Одна строка.

Одна строка, которая превращала чистый акт в бомбу. Потому что теперь акт гласил: формально нарушений нет, но ревизор считает, что пять тонн японского сырья исчезли, а брак подделан. И приложение к этому лежит — где?

Максим вырвал из Витиного блокнота страницы с третьей по четырнадцатую. Двенадцать листов черновых расчётов. Сколотил скрепкой. Сверху, на чистом листе, написал: «Приложение № 7 к акту ревизии ЮТФ «Заря». Особое мнение ревизора». Дата — вчерашняя.

Черновики — это не беловик. Но это подлинники. Витиной рукой. С расчётами, с датами, с номерами фондовых извещений. Любой проверяющий из Москвы прочитает их за полчаса и поймёт, что здесь не опечатка, а схема.

Три минуты.

Третье правило: если боишься, что документ уничтожат, — отправь копию туда, где его не достанут.

Максим посмотрел на стопку бланков на краю стола. «Телеграмма. Правительственная». Розовые, с гербом. Сухов держал их для служебной переписки с Минфином в Москве — по крупным недостачам, по которым требовалось срочное решение.

Можно было отправить в Минфин. Но в Минфине у Артемьева, заместителя министра лёгкой промышленности, наверняка были друзья. Министерства в Москве знали друг друга. Телеграмма из провинциального КРУ о какой-то пряже в лучшем случае легла бы в папку. В худшем — на стол самому Артемьеву.

Нужен был адресат, которого Артемьев боится.

В 2026 году Максим знал про Советский Союз немного. Но одно знал наверняка: у партии был собственный прокурор. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Орган, который проверял не законность, а партийную чистоту. Который мог исключить из партии — а исключение из партии для замминистра было страшнее любого суда. После исключения суд приходил сам.

КПК не подчинялся ни министерствам, ни прокуратуре. Только ЦК.

Максим снял трубку чёрного телефона. Набрал номер, который знал из Витиной памяти: городской узел связи, от-

деление правительственной связи. Витя однажды отправлял отсюда телеграмму по поручению Сухова — и запомнил.

— Отделение правительственной связи, — ответил женский голос.

— Контрольно-ревизионное управление, отдел номер три, по поручению начальника отдела Сухова, — сказал Максим ровно. Витиным голосом, молодым, но твёрдым. — Правительственная, срочная. Москва, Старая площадь, Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Записывайте.

Пауза. Он слышал, как на том конце провода девушка выпрямилась на стуле.

— Записываю.

Он диктовал медленно, чётко, по слогам — так, как диктовали телеграммы в этом времени.

«При ревизии Южноморской трикотажной фабрики «Заря» установлен перерасход импортной пряжи 5,3 тонны сверх норм тчк Фонды сверх потребности утверждаются ежеквартально третий год зам министра лёгпрома РСФСР Артемьевым тчк Ревизору предложено вознаграждение за чистый акт тчк Деньги сданы в сейф отдела опись номер 47 тчк Акт с особым мнением ревизора направляется установленным порядком тчк Прошу защиты документов тчк Ревизор Лебедев КРУ Минфина Южноморск тчк».

— Повторите, пожалуйста, фамилию замминистра, — сказала девушка. Голос у неё изменился.

— Артемьев. Вадим Леонидович.

Долгая пауза.

— Приняла, — сказала девушка. — Номер квитанции — пятьсот шестнадцать. Время приёма — одиннадцать часов сорок две минуты. Будет передана в течение двадцати минут.

— Спасибо.

Максим положил трубку. Записал на розовом бланке: «Отправлена в 11.42, кв. № 516». Подписал. Положил бланк — копию — во внутренний карман пиджака.

Потом взял акт с приложением номер семь, положил его в верхнее отделение сейфа, в папку «Текущие ревизии», рядом с журналом. Закрыл сейф. Покрутил диск.

Сел за стол. Налил себе воды из графина. Отпил.

Портфель стоял у ножки стола. Пустой. Только папки и блокнот с вырванными страницами.

В коридоре послышались шаги. Тяжёлые, много. Шесть человек, может, семь. Голоса. Чей-то смех.

Максим посмотрел на часы на стене — круглые, казённые, с отстающей минутной стрелкой. Одиннадцать сорок пять.

Телеграмма уже шла в Москву.

Дверная ручка повернулась.

Глава 3. Опись номер сорок семь

Они вошли все сразу. Так входят люди, которые уверены, что всё уже решено.

Первым — Глотов, с той же отеческой улыбкой. За ним — двое в милицейской форме, лейтенант и сержант. Потом — двое в штатском, мужчина и женщина средних лет, с одинаково испуганными лицами: понятые, видимо, взятые из соседнего отдела. Потом — человек с чемоданчиком: эксперт-криминалист.

И последним — тот, ради кого, как понял Максим, всё это и затевалось.

Высокий, грузный, седой, в тёмно-синем прокурорском мундире с петлицами. Лет шестидесяти. Лицо красное, обветренное, с тяжёлыми веками. Над воротником — второй подбородок. Он вошёл медленно, осмотрел кабинет так, будто покупал его, и остановился у окна.

Витина память подсказала имя раньше, чем Максим успел спросить. Прокурор города Южноморска Брагин Игнат Тимофеевич. Тридцать лет в органах. Член бюро горкома. Человек, о котором в Южноморске говорили шёпотом.

Прокурор города лично пришёл задерживать младшего ревизора со ста двадцатью рублями оклада.

Максим мысленно поставил галочку.

— Ну что, Виктор Сергеевич, — сказал Глотов, садясь на-

против. — Подумали?

— Подумал, — сказал Максим.

— И что надумали?

— Надумал, что не понимаю, о чём вы, Эдуард Аркадьевич.

Глотов вздохнул. Почти с сожалением. Посмотрел на Брагина у окна. Брагин едва заметно кивнул.

— Жаль, — сказал Глотов. — Я надеялся, что вы молодой, разумный. Ну что ж. — Он повернулся к понятым. — Товарищи понятые, прошу внимания. Сейчас в вашем присутствии будет произведён осмотр личных вещей гражданина Лебедева. По имеющейся у нас оперативной информации, гражданин Лебедев получил от должностных лиц трикотажной фабрики «Заря» денежное вознаграждение за составление заведомо ложного акта ревизии. — Он кивнул лейтенанту. — Портфель.

Лейтенант поднял портфель. Поставил на стол. Открыл.

Достал одну папку. Вторую. Блокнот — с вырванными страницами, Глотов на мгновение задержал на нём взгляд. Ручку. Носовой платок — нет, платка уже не было. Пару карандашей. Бутерброд в газете, оставшийся от обеда.

Всё.

Лейтенант перевернул портфель. Потряс. Ощупал подкладку.

— Пусто, товарищ следователь.

В кабинете стало очень тихо.

Глотов смотрел на пустой портфель. Его улыбка медленно, по миллиметру, сползала с лица, как плохо приклеенные обои.

Брагин у окна не шевельнулся. Но Максим видел, как побелели костяшки его пальцев на подоконнике.

— Эксперт, — сказал Глотов. Голос у него стал ниже. — Лампу.

Криминалист открыл чемоданчик. Достал ультрафиолетовый фонарь — громоздкий, с отражателем, на длинном шнуре. Включил в розетку.

— Руки, гражданин Лебедев.

Максим положил ладони на стол. Спокойно. Пальцы раскрыты.

Фиолетовый свет скользнул по ним. Ладони. Пальцы. Ногти. Тыльная сторона.

Ничего. Ни одной светящейся точки.

Криминалист посмотрел на Глотова. Помотал головой.

— Портфель, — сказал Глотов сквозь зубы.

Луч скользнул по портфелю. Снаружи — ничего. Внутри, на подкладке, у правого края — тусклое зеленоватое свечение. Смазанное пятно размером с ладонь.

Глотов выпрямился. Брагин у окна медленно повернулся.

— Вот, — сказал Глотов. С облегчением. — Вот. Деньги были в портфеле. Следы специального химического вещества, которым были обработаны купюры. — Он повернулся

к Максиму. Улыбка возвращалась. — Ну и где они, Виктор Сергеевич? Куда вы их дели? В окно выбросили? В туалете спустили? Мы найдём.

— Не нужно искать, — сказал Максим. — Они в сейфе.

Пауза.

— В каком сейфе?

— В сейфе отдела. — Максим кивнул на серый ящик в углу. — Там, где положено хранить изъятые при ревизиях ценности. Согласно инструкции.

Глотов смотрел на него. Не понимая.

— Вы… Вы положили взятку в сейф?

— Я положил в сейф денежные средства, которые мне пытались передать вчера вечером, при завершении ревизии, неустановленные лица. В качестве вознаграждения за чистый акт. — Максим говорил ровно, без выражения, как зачитывают протокол. — Конверт я не вскрывал, деньги не пересчитывал. Поместил в сейф до возвращения начальника отдела из командировки, для передачи в органы прокуратуры. О чём сделал запись в журнале учёта изъятых ценностей. Номер сорок семь. — Он помолчал. — Я, собственно, собирался сегодня к вам идти, Эдуард Аркадьевич. Хорошо, что вы сами пришли.

В кабинете стало так тихо, что слышно было, как тикают часы на стене.

Понятая — женщина в сером костюме — вдруг тихо ахнула и прикрыла рот рукой.

— Откройте сейф, — сказал Брагин.

Это было первое, что он произнёс за всё время. Голос — низкий, хриплый, привыкший к тому, что ему не возражают.

— Сейф отдела Министерства финансов, товарищ прокурор, — сказал Максим. — Открывается в присутствии начальника отдела или по постановлению прокурора.

— Я — прокурор. Открывайте.

— Конечно, — сказал Максим. И встал. — При понятых. Пусть товарищи понятые подойдут поближе. И, пожалуйста, внесите в протокол всё, что окажется внутри. Каждый документ.

Он видел, как Брагин на мгновение запнулся. Как дёрнулся его взгляд. Прокурор понял — на долю секунды позже, чем следовало, — что его загоняют в угол. Но отменить команду при понятых уже не мог.

Максим набрал код. Открыл дверцу.

Нижняя полка. Металлический ящичек. Внутри — белый конверт.

Криминалист посветил лампой. Конверт засветился зелёным, весь — ярко, как новогодняя гирлянда.

Глотов взял журнал. Открыл на последней странице. Прочитал запись номер сорок семь. Поднял глаза.

— Чернила свежие, — сказал он. Тихо, со злобой. — Вы это написали только что. Пока я звонил.

— Назначайте экспертизу, — пожал плечами Максим. —

Определение давности записи. Насколько я знаю, в Ростовской лаборатории это делают месяца за три.

Глотов сжал губы.

— И ещё, — продолжал Максим, — прошу внести в протокол, что на верхней полке сейфа, в папке «Текущие ревизии», находится акт ревизии Южноморской трикотажной фабрики «Заря» на шести листах, с приложением номер семь — особым мнением ревизора о перерасходе импортной пряжи — на двенадцати листах. Подлинники. — Он посмотрел на понятых. — Товарищи, вы видите папку? Посмотрите, пожалуйста. Чтобы потом никто не сказал, что её здесь не было.

Понятой — пожилой мужчина в очках — наклонился. Взял папку. Открыл. Посмотрел на акт, на последнюю страницу, на рукописную строку над подписями.

— «С приложением номер семь — особым мнением ревизора», — прочитал он вслух. Медленно, щурясь. — «Перерасход против норм пять и три десятых тонны…» — Он поднял глаза. — Есть приложение. Двенадцать листов. Подлинники, от руки.

— Внесите в протокол, — сказал Максим лейтенанту. — Пожалуйста.

Лейтенант посмотрел на Глотова. Глотов посмотрел на Брагина.

Брагин стоял неподвижно. Его лицо из красного становилось багровым.

— Изъять, — сказал он хрипло. — Всё изъять. Акт, приложение, деньги. Как вещественные доказательства по делу о взятке.

И вот здесь Максим улыбнулся. Впервые.

— Изымайте, товарищ прокурор, — сказал он. — Только учтите одну вещь.

Он достал из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо розовый бланк. Развернул. Положил на стол. Так, чтобы Брагин видел.

«Телеграмма. Правительственная. Москва, Старая площадь, Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Отправлена в 11.42, квитанция № 516».

— Это копия, — сказал Максим. — Подлинник был принят отделением правительственной связи сорок минут назад. И, полагаю, уже лежит на столе у дежурного референта КПК. В нём — номер описи. Номер акта. Количество листов приложения. — Он помолчал. — Если акт с приложением, после того как вы его изымете в присутствии понятых, вдруг потеряется… или пострадает от воды… или окажется без приложения номер семь… то первый вопрос из Москвы будет к тому, кто его изымал. А изымали вы, Игнат Тимофеевич. Лично. При понятых. Под протокол.

Брагин смотрел на розовый бланк.

Он читал его долго. Медленно. Максим видел, как его глаза движутся по строчкам. Как останавливаются на слове «КПК». Как останавливаются ещё раз — ниже. На фамилии.

Лицо прокурора, только что багровое, начало бледнеть. Медленно, как остывающий металл. Сначала щёки. Потом лоб. Потом губы.

— Это… — сказал он. Голос сел. — Это клевета. На уважаемого человека. На замминистра. Вы понимаете, что вы написали? Без доказательств. Без…

— Доказательства — в приложении номер семь, — сказал Максим. — Фондовые извещения с его подписью. Двенадцать кварталов подряд. Три года. Каждый — на пять тонн больше, чем нужно для плана. — Он посмотрел прокурору в глаза. — Я не знаю, Игнат Тимофеевич, сколько получает с этой фабрики Южноморск. Это выяснят другие. Но я знаю, кто подписывает фонды. И теперь это знают на Старой площади.

В кабинете было так тихо, что Максим слышал, как в соседнем помещении стучит пишущая машинка.

Понятые стояли, боясь пошевелиться. Лейтенант смотрел в пол. Глотов — на Брагина. Криминалист медленно выключил ультрафиолетовую лампу и начал сматывать шнур, стараясь не греметь.

А Брагин смотрел на Максима. Тяжело, долго, не мигая.

И Максим увидел в его глазах то, что двадцать лет видел в глазах финансовых директоров, когда на стол ложилась выписка с номером их офшорного счёта. Не злость. Не ненависть.

Страх. Холодный, животный страх человека, который

вдруг понял, что над ним есть кто-то ещё.

— Вадим Леонидович Артемьев, — сказал Максим негромко, отчётливо, глядя прокурору в глаза. — Заместитель министра лёгкой промышленности РСФСР. Вы ведь знаете его, Игнат Тимофеевич? Он ведь каждое лето отдыхает у вас в Южноморске. На обкомовской даче. Я видел в журнале командировок фабрики — его визиты оформлены как «ознакомление с передовым опытом».

Прокурор города Южноморска Брагин Игнат Тимофеевич, тридцать лет в органах, член бюро горкома, стоял у окна кабинета младшего ревизора КРУ.

И лицо его было белым, как акт ревизии до того, как в нём появилась одна строка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Глава 4. Семьдесят два часа

Его не арестовали.

Брагин ушёл первым. Молча, не попрощавшись, тяжело ступая, как человек, у которого внезапно заболело сердце. Глотов задержался ещё на полчаса — составлял протокол изъятия. Изымал всё: конверт, журнал, акт, приложение номер семь. Каждый лист пересчитывал вслух, при понятых, и понятые расписывались на каждом листе. Максим настоял.

К вечеру Максим вернулся в общежитие. Комната на четвёртом этаже: железная кровать, письменный стол, шкаф с треснувшим зеркалом, на стене — фотография матери и вымпел «Победителю социалистического соревнования». На столе — учебник по бухгалтерскому учёту, тетради, стопка «Экономической газеты» и фотография девушки в рамке. Светлые волосы, ямочки на щеках, улыбка. Ирина.

Максим посмотрел на фотографию. Потом перевернул её лицом вниз.

Он не спал. Сидел у окна, смотрел на огни порта внизу — краны, прожектора, силуэты сухогрузов у причала, — и думал.

Сутки назад его звали Максим Вершинин, и у него была жизнь. Хорошая, дорогая, одинокая. Сейчас его звали Витя Лебедев, у него было сто двадцать рублей оклада, невеста, которая, возможно, подбросила ему три тысячи, и прокурор

города, который сегодня побелел. Это было не страшно. Это было интересно. Так интересно ему не было лет пятнадцать.

В половине второго ночи в дверь постучали.

На пороге стоял человек в сером плаще и шляпе. Лет пятидесяти, невысокий, сухой, с лицом бухгалтера — такими лицами в кино наделяют скромных совслужащих, которые потом оказываются шпионами. Очки в тонкой оправе. Тонкие губы. Внимательные, усталые глаза.

— Лебедев Виктор Сергеевич? — спросил он негромко.

— Да.

Человек раскрыл красную книжечку. Максим прочитал: «Комитет государственной безопасности СССР. Корзун Сергей Ильич. Подполковник».

— Можно войти?

Максим отступил в сторону.

Корзун вошёл, огляделся. Снял шляпу, повесил на гвоздь у двери. Плащ снимать не стал. Сел на единственный стул. Максим сел на кровать.

Несколько секунд подполковник молча смотрел на него. Изучал. Максим знал этот взгляд — так смотрят на документ, который пришёл из неожиданного источника, прежде чем решить, подлинник это или подделка.

— Вашу телеграмму получили в Москве в двенадцать ноль четыре, — сказал наконец Корзун. — Дежурный референт Комитета партийного контроля прочитал её в двена-

дцать пятнадцать. В двенадцать сорок она лежала на столе у заместителя председателя КПК. В тринадцать двадцать заместитель председателя позвонил нам. В пятнадцать ноль-ноль я вылетел из Внукова. — Он помолчал. — Обычно провинциальные телеграммы, Виктор Сергеевич, идут по этой цепочке неделю. Ваша прошла за три часа. Знаете почему?

— Из-за фамилии.

— Из-за фамилии, — кивнул Корзун. — Вадим Леонидович Артемьев. Заместитель министра. Кандидат в члены ЦК. Зять человека, имя которого я не буду называть даже здесь. — Он снял очки, протёр их краем шарфа. — Вы понимаете, во что вы ввязались?

— Начинаю понимать.

— Начинаете. — Подполковник надел очки обратно. — Хорошо. Тогда объясню остальное. В Москве есть люди, которые давно интересуются Вадимом Леонидовичем. И есть люди, которые его очень любят. Ваша телеграмма легла на стол первым. Но вторые узнают о ней — если уже не узнали — в ближайшие сутки. И тогда начнётся.

— Что начнётся?

— Одно из двух. Либо выяснится, что ревизор Лебедев — клеветник и провокатор, который пытался опорочить уважаемого человека, чтобы прикрыть собственную взятку. Либо выяснится, что ревизор Лебедев прав. — Корзун посмотрел ему в глаза. — Третьего не будет. И то, какой из двух вариантов выяснится, зависит от того, что вы сможете доказать.

— Сколько у меня времени?

— Семьдесят два часа. — Подполковник не улыбнулся. — Через семьдесят два часа в Южноморск приедет комиссия из Министерства лёгкой промышленности. Плановая. Её отправили сегодня вечером — сразу, как в министерстве узнали о вашей телеграмме. Комиссия проверит фабрику «Заря» и, разумеется, ничего не найдёт. Подпишет акт о том, что нарушений нет. И тогда ваше особое мнение будет мнением одного младшего ревизора против мнения комиссии министерства. — Он помолчал. — Я не смогу вам помочь.

— А если до приезда комиссии я найду доказательства?

— Тогда, — сказал Корзун, — я смогу.

Они говорили долго. Подполковник задавал вопросы — короткие, точные, как удары скальпелем. Когда началась ревизия. Что Лебедев нашёл. Кто к нему приходил. Сколько предлагали. Кто имел доступ к кабинету.

Максим отвечал. Честно — почти. Он рассказывал то, что знал Витя. И только одно не мог объяснить.

— Особое мнение ревизора, — сказал Корзун, когда Максим закончил. — Опись в журнале. Правительственная связь. КПК, а не Минфин. — Подполковник смотрел на него, не мигая. — Виктор Сергеевич, вы три года работаете ревизором. Две недели назад вы впервые самостоятельно провели ревизию. Вчера вечером вы подписали чистый акт — я видел подпись, она дрожит. А сегодня утром за пятнадцать

минут вы сделали то, на что у опытного юриста ушло бы полдня. И сделали без единой ошибки. — Он помолчал. — Кто вас научил?

Максим ждал этого вопроса. И понимал, что от ответа зависит больше, чем от любой цифры в акте.

— Никто, — сказал он. — Я испугался, Сергей Ильич.

— Испугались?

— Вчера вечером я испугался и подписал чистый акт. Потому что мне сказали, что у меня свадьба и мне нужна квартира, а не неприятности. — Максим смотрел в пол. — А сегодня утром, когда Глотов вышел из кабинета, я испугался ещё сильнее. И вдруг понял, что если меня всё равно посадят — то пусть хотя бы за правду. — Он поднял глаза. — Страх, Сергей Ильич, очень хорошо проясняет мысли. Я сидел пятнадцать минут и думал: что я знаю? Знаю инструкцию по ревизиям — наизусть, сдавал на госэкзамене. Знаю, где лежат бланки правительственных телеграмм. Знаю, что замминистра боится не прокуратуры, а партии. Это всё знают. Просто никто не думал об этом одновременно.

Корзун долго молчал.

— Хорошо, — сказал он наконец. Голос его не выражал ничего. — Допустим. — Он встал, взял с гвоздя шляпу. — Семьдесят два часа, Лебедев. С этой минуты. Двое моих людей будут рядом с вами. Вы их не увидите — и не пытайтесь. Если вас попытаются убить — они помешают. Если вы попытаетесь сбежать — тоже. — Он надел шляпу. — Мне

нужна не теория. Мне нужно доказательство. Такое, которое нельзя опровергнуть комиссией министерства.

— Что, например?

— Не знаю, — сказал Корзун. — Вы ревизор. Вы и скажите.

Он подошёл к двери. Взялся за ручку. Обернулся.

— Ещё одно. Ваша невеста — Ирина Николаевна Демченко, медсестра горбольницы. Сегодня в половине первого, через сорок минут после вашей телеграммы, она звонила с больничного телефона. Междугородный звонок. Ростов. Номер принадлежит квартире двоюродного брата директора фабрики «Заря» Гоцмана. — Подполковник помолчал. — Разговор длился четыре минуты. Содержания я не знаю. Но подумал, что вам будет интересно.

Дверь закрылась.

Максим сидел на кровати и смотрел на перевёрнутую фотографию на столе.

Витя любил её. Это было в памяти — тёплое, светлое, с запахом её духов «Красная Москва», с её смехом, с поездками на море по выходным. Витя три года копил на кольцо. Витя собирался жениться в сентябре.

Ирина приходила в кабинет в обед. Сидела двадцать минут одна, пока Витя был на фабрике. Ждала.

А через сорок минут после телеграммы позвонила в Ростов. Двоюродному брату директора фабрики.

Максим не стал переворачивать фотографию обратно.

Он взял тетрадь. Открыл на чистой странице. Написал наверху: «72 часа». И ниже, столбиком:

«Что нужно доказать: на фабрике работает неучтённое производство из списанной пряжи.

Как обычно доказывают: изъятие продукции, показания, двойная бухгалтерия.

Почему не сработает: продукцию уже вывезли или вывезут сегодня ночью. Свидетели будут молчать. Вторую бухгалтерию сожгут до приезда комиссии.

Что нельзя спрятать за трое суток?»

Он долго смотрел на последнюю строчку.

В прошлой жизни, в 2026-м, он однажды вскрыл схему завода, который годами показывал в отчётах одну мощность, а реально работал на полторы. Завод сжёг все бумаги, уволил свидетелей, вывез продукцию. Чистый, как стёклышко. Максим его всё равно поймал.

По счетам за электроэнергию.

Станок не может работать без тока. Ночная смена не может работать в темноте. Электросчётчик не подкупишь и не уволишь. А энергосбыт выставляет счёт по показаниям — и хранит их у себя, на другом конце города, в организации, которая не подчиняется ни директору фабрики, ни прокурору.

И ещё — станки. Станок, который работает в три смены вместо двух, изнашивается в полтора раза быстрее. Иглы, платины, кулачки вязальных машин — расходники, которые

меняют по мере износа. Их выписывают со склада. Их заказывают. На них есть накладные.

Электричество и железо. Две вещи, которые нельзя спрятать.

Максим закрыл тетрадь. Посмотрел на часы. Без пятнадцати три.

Осталось семьдесят часов и сорок пять минут.

Он лёг на кровать, не раздеваясь. И, к собственному удивлению, уснул сразу. Как засыпал в прошлой жизни перед большими сделками — коротко, глубоко, без снов.

Глава 5. Ток не врёт

Встречная проверка.

Так это называлось в инструкции Министерства финансов. Ревизор, проверяющий предприятие, вправе запросить документы у любой организации, с которой это предприятие имело хозяйственные отношения. У поставщиков. У покупателей. У транспортников. У банка.

И у энергосбыта.

В восемь утра Максим стоял у окошка канцелярии «Южноморскэнергосбыта» — облупленного двухэтажного здания на окраине, у железнодорожного переезда. С удостоверением ревизора КРУ и запросом, отпечатанным на бланке отдела, с печатью и подписью. Подпись была Сухова — начальник отдела вернулся из Краснодара вчера поздно вечером, выслушал Витин рассказ, долго молчал, потом спросил: «Это правда?» — «Правда». — «Тогда подпишу. Но если нет — я тебя сам посажу».

Пожилая женщина в окошке прочитала запрос, подняла брови.

— За три года? Помесячно? И суточные графики нагрузки по подстанции?

— Если можно.

— Можно, — сказала она, пожав плечами. — Только зачем это вам? Это ж никому не нужно. Кроме нас.

— Вот поэтому, — сказал Максим.

Женщина посмотрела на него, ничего не поняла и пошла в архив.

Через два часа он сидел за столом в пустой комнате энергосбыта и разбирал три толстые папки.

Промышленные потребители в СССР платили по двухставочному тарифу: за мощность и за энергию. Для крупных — таких, как трикотажная фабрика с двумя сотнями вязальных машин, — энергосбыт ставил на подстанции свой счётчик. Не фабричный, а свой, опломбированный. И, кроме того, на фидере, питавшем фабрику, стоял самописец — прибор, который каждые тридцать минут чертил на бумажной ленте график нагрузки. Ленты хранились в архиве энергосбыта пять лет. Никому не нужные.

Кроме тех, кто умел их читать.

Максим разложил ленты на столе. Взял линейку и карандаш.

Фабрика «Заря» работала в две смены. Это было записано в плане, в отчётах, в табелях. С семи утра до одиннадцати вечера. Шестнадцать часов. С одиннадцати вечера до семи утра — только дежурное освещение, котельная, охрана. Двадцать-тридцать киловатт.

На лентах самописца это выглядело так: днём — плато, высокое, ровное, двести восемьдесят — триста киловатт. Вечером, в одиннадцать, — резкий спад. До…

До ста девяноста. Не до тридцати.

Максим провёл линейкой по ленте. Одиннадцать вечера — спад до ста девяноста. Держится. Полночь — сто девяносто. Два часа ночи — сто девяносто пять. Четыре утра — сто восемьдесят. В шесть — снова подъём, к дневному уровню.

Каждую ночь. Он перелистал ленты. Каждую ночь, кроме воскресений. Год. Два. Три.

Сто шестьдесят киловатт сверх дежурной нагрузки. Каждую ночь. Восемь часов.

Вязальная машина «Текстима» — немецкая, ГДР, основной парк фабрики — потребляет около трёх с половиной киловатт. Сто шестьдесят киловатт — это сорок пять машин. Работающих в ночную смену. Которой не существует.

Он взял счётчик-калькулятор — в энергосбыте нашёлся старенький «Электроника Б3», с красными цифрами, — и посчитал.

Сорок пять машин в третью смену. Производительность машины — по паспорту — около двенадцати джемперов в смену. Пятьсот сорок джемперов за ночь. Двадцать пять ночей в месяц. Тринадцать с половиной тысяч в месяц. Сто шестьдесят тысяч в год.

Это было больше, чем пять тонн пряжи. Намного больше.

Значит, японский акрил был не единственным сырьём. Была ещё пряжа — из другого источника. Которая вообще не проходила через фабричный склад.

Максим записал цифры в тетрадь. Потом попросил жен-

щину из канцелярии снять заверенные копии с лент за последние двенадцать месяцев. Женщина долго ворчала, но сняла — фотокопировальный аппарат в энергосбыте был, древний, гудящий, пахнущий горячей бумагой. К часу дня у Максима в портфеле лежали двадцать четыре листа с печатью «Южноморскэнергосбыт. Копия верна».

Документы, которые не мог уничтожить ни директор фабрики, ни прокурор. Потому что подлинники хранились здесь. В организации, о которой никто никогда не думал.

На фабрику он приехал в два.

Директор Гоцман Роман Львович встретил его у проходной сам. Невысокий, плотный, лысеющий, в дорогом импортном костюме и с золотыми часами «Сейко» на запястье — Максим отметил: японские. Лицо — круглое, добродушное, с маленькими цепкими глазками. Над ними — тщательно выщипанные брови.

— Виктор Сергеевич! — Гоцман раскинул руки, будто хотел обнять. — Как я рад! Я, признаться, вчера очень огорчился, когда узнал про эту… эту историю. Клевета, чистая клевета, я сразу сказал Игнату Тимофеевичу. Чтобы такой молодой, честный специалист — и взятка! Не может быть!

— Не может, — согласился Максим.

— Вот! Вот и я говорю! — Гоцман взял его под руку. — Пойдёмте ко мне, чайку попьём. Посидим, поговорим по-человечески. Я слышал, у вас есть какие-то вопросы по пряже?

Мы всё объясним, всё покажем, у нас всё по документам…

— Спасибо, Роман Львович. Я бы лучше в цеха.

Гоцман на мгновение сбился с шага.

— В цеха?

— Встречная проверка, — сказал Максим. — Хочу посмотреть на оборудование. Паспорта вязальных машин, журнал технического обслуживания, накладные на расходные материалы. Иглы, платины, кулачки. За три года. — Он улыбнулся. — Это ведь тоже документы.

Гоцман смотрел на него. Улыбка не исчезла. Но в маленьких глазках что-то мелькнуло — быстро, как ящерица в траве.

— Конечно, — сказал директор. — Конечно. Всё покажем.

Цехов было три. Первый и второй — работающие: длинные, светлые, с рядами вязальных машин, гудящих, щёлкающих, мелькающих иглами. Работницы в синих халатах. Запах машинного масла и шерсти.

Третий цех — закрыт. Табличка на двери: «Цех № 3. Капитальный ремонт. Вход воспрещён». Гоцман пояснил: закрыт с семьдесят шестого года, ждут фондов на реконструкцию. Оборудование законсервировано.

— Можно посмотреть? — спросил Максим.

— Там же ремонт! — Гоцман всплеснул руками. — Грязь, пыль, опасно. Кто-нибудь споткнётся, ногу сломает, а мне

отвечать.

— Я осторожно.

Гоцман помолчал. Потом достал из кармана связку ключей. Медленно.

Третий цех был тёмным. Окна заклеены бумагой. Гоцман щёлкнул рубильником — под потолком загорелись лампы. Неровно, мигая.

Вязальные машины стояли рядами. Сорок восемь штук. Под брезентовыми чехлами. Законсервированные.

Максим прошёл вдоль ряда. Остановился у ближней машины. Поднял край чехла.

В 2026 году он однажды проверял склад, который по документам пустовал три года. Склад тоже был под замком, тоже с табличкой «Ремонт». Максим тогда сделал одну простую вещь — провёл пальцем по полу. Пыли не было.

Он наклонился и провёл пальцем по станине машины.

Пыли не было. Металл — тёплый. Едва-едва, но тёплый. В неотапливаемом цехе, в ноябре, — тёплый. Машина работала несколько часов назад.

Он посмотрел вниз, на пол под машиной. Бетон, чистый, подметённый. Но в щели между станиной и полом, там, где метла не достаёт, — белое. Мелкий, лёгкий, пушистый ворс. Акриловый. Он поднял щепотку, растёр между пальцами — синтетика, скользкая, не шерсть.

Он посмотрел на иглы машины. Никакого особого зрения у Максима не было. Но двадцать лет проверок научили его

видеть. Иглы блестели. Новые. Ни следа ржавчины, которая за три года консервации неизбежно проступила бы в неотапливаемом помещении у моря.

Он опустил чехол. Повернулся к Гоцману.

Директор стоял у двери. Улыбка на круглом лице держалась, но держалась на чистом усилии воли — как держится штукатурка на сыром потолке.

— Роман Львович, — сказал Максим. — А когда у вас последний раз меняли иглы на этих машинах?

— Иглы? — Гоцман моргнул. — Ну… При консервации, наверное. В семьдесят шестом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.